

МЕХМЕТ РАУФ

Сентябрь

Мехмет Рауф

Сентябрь

Серия «Магистраль. Главный тренд»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74202901

Мехмет Рауф "Сентябрь": ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-250964-3

Аннотация

Суад и Сюрейя женаты уже пять лет. Их жизнь кажется спокойной и размеренной, но однажды летний зной выталкивает их из душного городского особняка к водам Золотого Рога. Ради счастья мужа Суад занимает деньги у отца и снимает виллу на берегу, где Сюрейя может каждый день выходить в море, а она – вести тихую домашнюю жизнь, наполненную заботами, музыкой и ожиданием.

Именно там, среди летних прогулок, морского света и вечерних звуков фортепиано, в их доме все чаще появляется Неджиб – двоюродный брат Сюрейи. Разочарованный в любви, привыкший видеть в женщинах лишь легкомыслие и притворство, он неожиданно открывает в Суад иной мир: самоотверженность, душевную тонкость, верность, красоту, не нуждающуюся в словах. Постепенно восхищение перерастает в чувство, которому нет места в их жизни.

Суад и Неджип оказываются перед невозможным выбором: сохранить долг – или признать власть сердца. Их любовь не ищет скандала, не требует измены, не решается на бегство – она живет в музыке, взглядах, молчании и мучительном сознании собственной запретности. Но чувство, которому не суждено быть произнесенным вслух, становится тем сильнее, чем безнадежнее оно кажется.

Роман Мехмета Рауфа – тонкая и пронзительная история о любви, обреченной с самого первого мгновения; о совести, желании и тихой трагедии людей, которые слишком благородны, чтобы быть счастливыми.

Содержание

1	6
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мехмет Рауф

Сентябрь

Литературный редактор Влад Чарный.

Художественное оформление серии Натальи Портяной.

Mehmet Rauf

EYLÜL

© Е. Айдынбаш, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Халиту Зие

*Мое первое произведение – моему последнему
учителю*

Мехмет Рауф, Тарабья¹

¹ Тарабья – район в европейской части Стамбула.

1

До гостиной доносился смех сидевших в саду гостей.

Сюрейя с раздражительностью, присущей людям, испытывающим хандру, произнес:

– Безрассудная девчонка!

Его жена вышла из больших дверей на балкон и, опершись на перила, выглянула на улицу, а потом вдруг повернулась и весело сказала:

– Какая же прекрасная погода сегодня!

Дождь, который начался полседьмого в этот апрельский вечер, через полчаса уже перестал, но в жемчужных каплях, которые остались от него на зелени листвы, все еще дрожало отражение синего небосвода. Что-то трогательное было во влажном дуновении, исходящем от земли и деревьев.

Молодая женщина прислонилась к краю окна и сделала несколько глубоких вдохов. Она дышала так, будто с каждым вдохом наполнялась жизненной энергией.

Потом она подошла к Сюрейе, окутанному сигаретным дымом, хмурому и мрачному, словно холм посреди сдавшейся на милость зимы степи. Она взяла его за руку и потянула, чтобы поднять его с места:

– Неужели в такую прекрасную погоду лучше сидеть здесь, хмуриться и напрасно злиться на тех, кто веселится? Давай тоже погуляем.

Сюрейя был сегодня вечером в плохом настроении.

– Эй, оставь! – резко сказал он. Сюрейя переносил свою обиду на отца на всех вокруг. Когда они собирались поехать в загородный дом, он так сильно настаивал на том, чтобы поехать на этот раз куда-нибудь на побережье, но так и не смог уговорить своего отца. Дом, который когда-то построили его дедушки здесь, глупо рассчитывая на «этот каменный карьер», каждый год удерживал их от поездок в другие места. Каждую зиму Сюрейя мечтал о Босфоре, но теперь, возвращаясь сюда, на «эту помойку», в эту пустыню, на которой он жил с детства и от которой безумно устал, он понимал, что она надоела ему настолько, что никакие прогулки тут ему не нужны! В отчаянии от того, что не мог ничего изменить в отношениях с отцом, Сюрейя вымещал свою злобу на других. Он находил любой повод, чтобы найти оправдание своему неприятию местной жизни. Поэтому, несмотря на свою обычно радостную натуру, Сюрейя с того момента, как они переехали сюда, то есть уже десять дней подряд был в основном мрачным и раздраженным, и даже по отношению к своей любимой жене Суад он вел себя несправедливо без всякой видимой причины.

Сюрейя взял ладонь Суад, которая держала его под руку, усадил рядом с собой и, вспомнив, что нужно улыбаться, так как он не был на нее обижен, с лишенной радости беглой улыбкой сказал:

– Теперь мы всегда будем в грязи; земля-то уже не та! Ес-

ли дождь пройдет хоть пару минут, твои ноги будут утопать в грязи, а если ты попробуешь идти, с каждым шагом твои ноги будут тянуть за собой килограммы грязи.

Молодая женщина, с пониманием, которое давала их пятилетняя близость, заметив, что она уже не в силах развеять эту печаль, с сожалением и грустью спросила:

– Тебе, наверное, ужасно скучно?

– Да! И не спрашивай. Разве в этом месте можно жить? О Аллах! А эти часы после завтрака и обеда!.. Утром до обеда, потом вечером... Короче говоря, здесь удушающе тоскливо... Все сидят по углам и мучаются! Я чувствую себя здесь, как на дне огородного колодца!

Суад, нахмутив брови, молчала. Взгляд ее потемнел, она погрузилась в размышления о счастливых днях, проведенных на этом месте, в этой жизни, в которой никогда не было причин для жалоб. Она думала о том, как много лет они прожили здесь, и вдруг захотела сказать: «Раньше ты никогда так не говорил!» Но что это могло бы изменить? Разве можно было решить эту проблему какими-то несерьезными оправданиями и отговорками? Иногда она даже собиралась сказать: «Ну хоть ты поезжай, оставайся там, развлекись немного!» Но за пять лет совместной жизни, когда они привыкли все делать вместе, она чувствовала такую глубокую привязанность к своему мужу, что готова была на жертвы ради него. Но вместе с этим Суад считала, что, сказав это, она бы лишь огорчила его еще больше, потому как Сюрейя, заме-

тив ее обиду, начнет снова клясться, но при этом ни одна проблема не решится. Потому что он будет только продолжать разбираться с внешними проявлениями проблемы, но не с самой сутью проблемы. Суад чувствовала, что виноват не дом, не этот дворец. Виноваты были разочарование и тоска, которые разъедали ей сердце. Хоть они и жили в любви и привязанности, но пять лет брака измучили их сердца, а человеческое сердце имеет свойство стареть. Погрузившись в эти страдания, в эти мысли, она молчала, опустив голову. А в это время Сюрейя продолжал жаловаться, высказывая свое недовольство.

– Ах, наши предки! – взывал он, кажется, уже в сотый раз. – Что же им мешало поехать туда, где настоящая красота, в места, которые делают Стамбул Стамбулом, вместо того, чтобы ради виноградников прятаться в этом сущем аду с какими-то непонятными расчетами!.. Но нет – однажды кто-то из них проявил глупость, и эта глупость стала семейным наследием, словно болезнь, что передается по наследству: все дети и внуки потом стали вынуждены влачить здесь ту же участь, проводить годы в страданиях... Виноградники, виноград... Да разве от них что-то осталось? Филлоксера² все погубила... Это место ужасно... Скажи, разве сможет ли мой отец, потратив все до последнего, справиться с этим

² Речь о филлоксере виноградной. Это мелкое насекомое, которое обитает на виноградной лозе и повреждает корни или листья в зависимости от вида винограда. Завезена в Европу в 60-х годах XIX века с американскими сортами винограда.

бедствием?

Потом вдруг Сюрейя разозлился еще больше:

– Ах, эта пустыня! Вот представь: мы на Босфоре или, например, на Принцевых островах... Вот море вокруг... Даже в самые жаркие дни оно способно вдохнуть в человека жизнь! Прохлада... Синева... Услада... А здесь – жди, пока поднимется северо-восточный ветер, аж до трех или до четырех часов... Все в дыму... словно кочегарка какая-то! А пейзаж? Смотреть некуда, все вокруг однообразное, безжизненное... Подумай, Суад: вот была бы у нас своя лодка. Утром пораньше, или поздно вечером – ты захватила бы свой зонтик, а я взялся бы за весла... Неважно, есть луна или нет, – там ночи всегда чудесны!

Говоря об этом, Сюрейя полностью отдавался своим фантазиям. Он говорил с таким удовольствием, будто прямо сейчас находился прямо там, в море.

«Но это же невозможно!» – хотела было воскликнуть Суад, размышляя сейчас вместо своего супруга. Но снова сдержалась, потому что эти ее слова могли помешать ему расправить крылья в тот самый момент, когда он уже почти взлетел в небо к своим мечтам. К тому же эта мысль о невозможности и несбыточности его фантазий снова бы его разозлила. Но об этом сказал сам Сюрейя:

– Но это невозможно, мой отец против!.. Потому что... Потому что он не хочет, ему не нравится. Все от этого! Если бы он только пожелал, мы были бы счастливы... Смотри, ка-

кое совершенно не важное препятствие стоит на пути к нашему счастью!

Потом он поднял руку и, будто угрожая невидимому врагу, воскликнул:

– Ох уж эти деньги!

Требовалось всего лишь пятьдесят лир.

– Пятьдесят лир, – сокрушаясь продолжал Сюрейя. – И нет возможности их найти.

Затем он вдруг вспыхнул и злобно продолжил:

– И нет возможности! Найти пятьдесят лир просто невозможно!.. Иначе я бы уже давно увез тебя отсюда!

– Ах, как было бы прекрасно! – обрадовалась Суад.

Сюрейя повернулся к супруге и, глядя в ее сияющие от радости глаза, продолжил:

– Как счастливы бы мы были, Суад! Как были бы мы счастливы! К тому же я хотел все это ради тебя, клянусь, все это ради тебя! Ты не говоришь, но я все замечаю. Я вижу, что жить здесь взаперти тебе тяжело. Во-первых, эта духота... Внутри все сжимается... Мы же не какие-нибудь монахи, чтобы жить в монастыре. Жизнь – в толпе и на прекрасном воздухе, не в духоте. Настоящее удовольствие – жить в одиночестве, но в толпе, гулять среди множества людей, а потом вместе сбежать и спрятаться в тихом местечке. Только тогда человеческое сердце понимает, что значит привязанность друг к другу. Я понимаю, как сильно люблю тебя, когда я вижу других женщин. Иногда мне встречаются женщины,

которые кажутся мне красивее тебя. Но при взгляде на них я сам себе приношу клятву в том, что никогда не смогу полюбить их так, как люблю тебя. В тебе есть что-то такое, что-то особенное, что совсем не встречается в других женщинах. В тебе есть что-то такое, отчего рядом с тобой все мои тревоги улетучиваются. А на душе становится так тихо, так спокойно. Ты губами касаешься моих глаз — я чувствую, как душа моя тут же рвется к тебе, все мое нутро хочет остаться с тобой и быть счастливым. И особенно сейчас мне кажется, будто не смог бы я быть таким же, какой я есть с тобой, если бы взял в жены любую другую женщину, но не тебя. Не смог бы я быть таким же искренним, как с тобой. Таким же искренним до самой глубины души, до самых ее тонких струн.

Сказав это, он тут же стал целовать глаза Суад, которые находились на уровне его губ. Затем он взял руку Суад в свою и, поднеся к губам, больше ее от них не отрывал. Суад слушала мужа и молчала. Сюрейя жадно и долго вдыхал запах ее шелковистой кожи, а затем простонал:

— Ах, Суад! Если бы тебя не было...

Заметив вопрос в обращенных на него глазах молодой женщины, Сюрейя с искренностью, идущей прямо от сердца, продолжил свою фразу:

— Если бы тебя не было, я бы просто умер, Суад!

Его голос дрожал.

Суад молчала, но выглядела взволнованно. В такие моменты восторга своего супруга Суад всегда хранила молча-

ние, не в силах выразить свои мысли так же, как ее муж. Она словно тонула в желании внезапно обнять его за шею, подавляя безмолвием в себе бушующее пламя преданности. И до сих пор бывало так, что она краснела, будто юная невеста, и не могла выразить свои чувства ни словом, ни жестом. Она подавляла крики, рвущиеся из самой глубины души от волнения. Это привязывало ее сердце к мужу еще сильнее, и в такие моменты вся ее душа устремлялась к нему с силой бурлящего потока, способного сокрушить скалы. Вот сейчас она снова признавалась себе в том, что, если прямо в этот момент ее попросят отдать жизнь ради Сюрейи, она с удовольствием это сделает. Уже пять лет она отчетливо осознавала, что он делает ее счастливой, понимала, какие большие жертвы он приносит как мужчина, будучи совершенно не похожим на других мужей. Она осознавала, что любит он только и только ее, а ее нежность смягчает ее отношение к его поведению и всем его поступкам. Ее детство прошло в атмосфере постоянных ссор родителей, а супружеская жизнь оказалась намного лучше всех ее мечтаний, за что она была бесконечно признательна. Благодаря своей сдержанности, которая свойственна тем, кто не имеет дела со словом, она понимала, с чем связаны эти отношения, размышляя тонко и глубоко. Своим пронизательным духом она чувствовала, что былого огня становится все меньше и что прежняя пылкость с каждым днем все больше угасает, а все чувства возвращаются к обычному своему состоянию. Однако кое-что в их отноше-

ниях отнюдь не приуменьшалось, а даже становилось больше. И это – искренность. Суад никогда даже в голову не могло прийти усомниться в искренности своего супруга. Каждый день она замечала, что открытости между ними становилось еще больше, чем накануне, и никогда не сомневалась в этом. Не сомневалась настолько, что при мысли о том, каким был первый год их супружеской жизни, она понимала: уровень откровенности, который тогда казался ей очень достаточным и сильным для укрепления их привязанности друг к другу, на самом деле был совсем не таким, как сейчас. И тогда Суад задавалась вопросом: «Как тогда я была настолько уверена?» Хоть весь пыл и тоска того периода рассеялись, она, будучи осторожной и вдумчивой женщиной, старалась избавиться от грусти, вызванной этим угасанием, предпочитая сегодняшнюю искренность в их отношениях вчерашней.

Сюрейя снова принялся жаловаться на безденежье:

– Послушай!.. Послушай, Суад! Чего только не лишают человека пятьдесят лир! А я ведь мужчина, не так ли? Мужчина, который не может найти пятьдесят лир для того, чтобы сделать счастливой свою жену...

Суад не хотелось видеть супруга в таком жалком состоянии, поэтому она, чтобы он так не думал и не выглядел таким уставшим, сказала:

– Но я люблю тебя таким еще больше. Каждый может стать богатым, но не сможет стать таким, как ты! – А потом, чтобы развеять грусть Сюрейи, добавила: – Раз уж ты не мо-

жешь взять и увезти меня на ялы³, то я возьму тебя и вытащу на балкон... Ночь так прекрасна, что не насладиться ею было бы сродни убийству!

В этот момент из ночного сада снова раздался звонкий, яркий смех.

Суад подошла к окну.

– Вот посмотри на свою сестру... Она с тобой абсолютно не согласна.

Сюрейя тоже вышел на балкон и, рухнув в соломенное кресло, спросил:

– С ней вместе Неджиб?

– Кажется, да, – ответила Суад, взяв с другого кресла накидку и укутавшись в нее.

– Разве ее муж не с моим отцом? Станный брак, странный муж, странная жена... Особенно странная жена!..

– Особенно странный муж! – рассмеялась в ответ Суад.

После этого каждый из них стал отстаивать свое мнение.

Сюрейя утверждал, что его сестра Хаджер, которая, как и всегда вследствие негативного настроения отца, нашла плохого мужа, а уже на первом году брака к супругу своему совершенно остыла и между ними воцарилось холодное равнодушие. Фатин, который был вдумчив и серьезен и из любой ситуации выходил как настоящий джентльмен, вызывал у легкомысленной и веселой, как птица, Хаджер чувство глубокой ненависти.

³ Ялы – особняки на берегу Босфора, у самой воды.

Сюрейя посмотрел на бесконечно длинные виноградники с одиночными деревьями тут и там, уходящие вдаль прямо к подножию гор, и повторил:

– Сумасшедшая девчонка! Бедняга Неджиб! Чего только он от нее не натерпелся с тех пор, как приехал сюда. Должно быть, он тысячу раз пожалел о своем приезде!

Неджиб был сыном тети Сюрейи. Иногда он приезжал погостить к ним в особняк.

Сюрейя, думая о молодом, красивом и элегантном Неджибе, видит своего зятя Фатин Бея, его сияющий, будто смазанный маслом затылок, его лицо, маленькие хитрые глаза, всегда смотрящие искоса в надежде на какую-то выгоду, его большую голову на слегка приподнятых плечах, склоненную вперед во время еды, что делает его похожим на какое-то животное. И Сюрейе хотелось оправдать Хаджер, признав, что муж ее был крайне отвратительной личностью. Фатин Бей, напротив, как старательный кандидат, вошел в дом бей-эфенди⁴, отца своей будущей жены, и делал все для того, чтобы стать неотъемлемой частью этого дома. Он выглядел вполне безропотным и боялся, что вспыльчивая и властная Хаджер сделает из Неджиба орудие мести, чтобы сполна воздать за все свои огорчения в браке.

– Нет, мне кажется, что будь любой другой на месте Фатина – Хаджер все равно была бы такой, – произнес Сюрейя по-

⁴ *Бей-эфенди и ханым-эфенди* – уважительное обращение к старшим в доме, здесь – к родителям Сюрейи.

сле раздумий. – В ней все еще есть это детское озорство, однако его уже никто не будет прощать. Любой, кто увидит ее, может посчитать ее обычной девчонкой, сбежавшей с уроков в школе и играющей в соседском дворе.

Суад встала на защиту Хаджер:

– Нет, прошу тебя, бей⁵. Ты несправедлив. Ты так привык во всем винить Хаджер, что во всем видишь только плохое, что бы она ни сделала. Только представь, какая бедняжка! Она смеется, а мне кажется, будто мне сердце царапают.

И Суад стала описывать состояние Хаджер перед свадьбой. Она рассказала о том, что молодая девушка призналась в своих мечтах, поведала ей о своих надеждах, о представлении того периода, когда девушки становятся женщинами, о своих ожиданиях и стремлениях. А затем Суад рассказала, в каком состоянии находится сегодня эта молодая девушка, нашедшая себе мужа, который вырос среди пожилых служащих, состарился и обленился.

– Вот только подумай, – говорила Суад. – Давай представим... Например, Неджиб мог быть для нее прекрасным мужем. Думаешь ли ты, что она стала бы такой, если бы вышла за него замуж? По правде говоря, если бы так было, возможно, конечно бы, стала. Хотя сейчас Хаджер еще более властная и жестокая, чем раньше. Но, клянусь, она не злая. Ты ее брат, но ты не можешь знать ее лучше меня. Все-таки женщина женщину понимает лучше.

⁵ *Бей* – форма обращения к мужчине в Турции.

– Неджиб, да... Неджиб стал бы хорошей партией, – про-
бормотал Сюрейя себе под нос. – Даже мама только о нем
и говорила... Но отец сказал: «В семье не может быть тако-
го брака!» Никто не смог ему перечить... Еще я подумал о
вот о чем: если Неджиб и хорошая партия для Хаджер, то
моя сестра совсем его не достойна. Даже так: она ему совер-
шенно не подходит. Неджибу нужна воспитанная, серьезная,
тонко чувствующая женщина. К тому же Неджиб будет из-
бегать брака, словно смерти.

– Да уж, Неджиб странный, – засмеялась Хаджер. – По-
стоянно говорит: «По-моему, жениться – значит умереть!»

– Для Неджиба приехать в эту глухомань, провести тут
весну и все лето... Это просто невозможно. Он привык к сво-
бодe, привык гулять и веселиться... Ему нужна женщина, ко-
торая бы заставила его забыть о прелестях холостяцкой жиз-
ни и привязала его к себе!.. Хаджер? Хаджер не смогла бы
заставить Неджиба полюбить себя даже месяц. Вот такая де-
вушка, которую мы вырастили.

Суад снова рассмеялась:

– Ну право! Бей-эфенди не должен этого слышать! А то
снова чего только не скажет!..

Сюрейя поднял плечи и замолчал.

Воздух стал холоднее, застывая, он будто превращался в
воду. Ночь, дрожа прозрачными золотыми с синим отливом
каплями, замерзала.

– Холодно! – сказала Суад, ежась и кутаясь в накидку. –

Может, пойдем внутрь?

В тот же миг откуда-то раздался громкий голос:

– Невероятно холодно! Невероятно!

Голос принадлежал Неджибу. Суад нагнулась и обратилась к тем, кто был внизу:

– Мы заходим в дом.

– Только не расходитесь! Мы тоже идем в гостиную, – ответила Хаджер словно оледеневшим от холода голосом.

Зайдя в гостиную, Суад закрыла окна. В это время в комнату очень шумно входили Хаджер и Неджиб. Дверь с силой распахнулась, и в гостиную ворвалась Хаджер. Ее маленькое лицо, почти полностью укрытое накидкой, было фиолетовым от холода. Подбежав к Суад, она приложила руки к ее шее, сказав:

– Посмотри-ка, я замерзла?

Неджиб снял свой плащ и оставил его у входа в комнату. Сюрейя подошел к нему:

– Если Хаджер заболит, я тебя не оставлю, Неджиб.

Затем Сюрейя взял его за руку:

– Посмотри, твоя рука тоже замерзла!

– В таком случае меня снова спасет госпожа Хаджер, – рассмеялся Неджиб. – Ведь она лучше всех знает, что я в этом совершенно не виновен. Никакими уговорами я не мог привести ее в дом. Раньше она такой не была, теперь же заделалась настоящей поэтессой. Если это будет в ее руках, она станет читать подходящие к месту стихи.

Хаджер стояла у лампы, поднеся руки к губам и пытаясь согреть их своим дыханием, и глядела на брата. Затем, пожав плечами, она повернулась к Неджибу:

– Не бойся понапрасну! Это все слова. Мы все это слышали много раз. А сейчас самое важное – разжечь печь.

Неджиб уже направился было к печи, но Суад остановила его:

– Пойдите, Неджиб Бей, прислуга в это время не разожжет печь. Оставьте это мне. Только скажите, чтобы огня принесли.

Сюрейя подошел к Хаджер и, взяв ее руки в свои, крепко их сжал. Хаджер хоть и не боялась Сюрейи, но всегда немного при нем нервничала. Думая о том, чтобы сменить тему, как это делают виноватые дети, она посмотрела на стоящие перед зеркалом часы и сказала:

– О, еще только пол-одиннадцатого... До сна еще есть время. Давайте поиграем в безик?⁶

Сюрейя, не отвечая на ее вопрос, произнес:

– Вот сейчас была бы ты маленьким ребенком, Хаджер. Я бы тебя хорошенько отшлепал. Возможно, тогда мне удалось бы немного отомстить за Неджиб Бей...

– Отомстить за меня? – изумился Неджиб, который помогал в это время Суад разжечь печь. – В мире у меня нет

⁶ *Безик* – интеллектуальная карточная игра. Существуют варианты игры для двоих, троих и четверых игроков. Однако основная разновидность игры – безик вдвоем.

чувства, которое я не знал бы так хорошо, как месть. Если я увижу завтра, что кто-то бьет того, кто бил меня вчера, у меня на глаза от счастья слезы навернутся.

В печи разгорелся огонь, дрова охватило пламя, отчего те стали потрескивать.

Хаджер освободила свои руки из рук Сюрейи и стала готовить стол к игре:

– Давайте же, в безик! Сыграем в безик!

– Я не буду играть, просто посмотрю, – сказала Суад и села за стол. Играть решили втроем: Неджиб, Хаджер и Сюрейя. Пока они играли, Суад за ними наблюдала. Вдруг она так глубоко задумалась, что взгляд, устремленный на предметы перед ее глазами, перестал замечать их и унесся в другие миры настолько далеко, что она осознала, что находится именно там, только когда игра закончилась.

– Давайте-ка еще раз. – Неджиб собрал карты и вновь собрался их раздавать.

– Мне надоело, – вдруг воскликнула Хаджер и оттолкнула от себя карты.

– Вот видите, с Хаджер не поиграешь, – бросил Сюрейя и помог Неджибу собрать карты.

– Господа, всем спокойной ночи, – сказала Хаджер и вышла из гостиной.

– Вам может показаться странным, но она права, – попытался защитить Хаджер после ее ухода Неджиб. – Нужно быть таким, как вы, чтобы сохранить веселый нрав, живя

здесь. По дороге сюда я думал провести здесь десять дней, но, кажется, завтра сбегу с первым же поездом... Не представляю, как вы тут живете! Разве может человек насильно переехать в такой ад?

Тогда Суад подумала, что ее муж сочтет за счастье побег отсюда завтра в любой момент. Она посмотрела на Сюрейю. Ее супруг, который совсем недавно изливал свои жалобы на жену, сейчас уже начал в подробностях описывать их Неджибу. Неджиб же соглашался и, говоря, что он сам не сможет долго терпеть, с возросшей уверенностью произнес:

– Ай, и правда лучше мне сбежать прямо завтра!

– Куда же вы отсюда поедете? – спросила Суад.

– На Остров⁷... Сейчас на Острове все цветет. В этом месяце самое красивое место в Стамбуле – это Острова. Я поеду к дяде и поживу у него... А как же многолюдно там бывает по воскресеньям!

– Я бы на Бююкада не поехал! – прервал свое молчание Сюрейя. – Лучше в более спокойное место... В такое, где бы я находился в толпе людей, но не жил бы в ней... Например, я бы поехал на Хейбели или на Бургаз⁸.

– А-а! Да я там и дня прожить не смогу! – рассмеялся Неджиб. Потом вдруг посмотрел на обоих серьезно и ска-

⁷ *Остров (Ада)* – так турки называют остров Бююкада, один из Принцевых островов в Мраморном море. Для жителей Стамбула Острова всегда были местом для прогулок и летнего времяпрепровождения.

⁸ *Хейбели (ада) и Бургаз (ада)* – острова, которые тоже являются частью Принцевых островов.

зал: – Для вас там прекрасно. Но для такого одинокого человека, как я... Если бы я был, как вы, я бы и отсюда не уезжал.

Сюрейя тут же возразил, что здесь человек задыхается и вообще нет возможностей для жизни. Неджиб с ним согласился:

– Да, да. Это должно быть такое место, где человек мог бы жить в толпе людей, не заходя в эту самую толпу.

Пока они рассуждали, Суад думала о том, что даже Неджиб Бей, который, в отличие от ее не любящего толпу мужа, вырос посреди огромного количества людей, был согласен остаться здесь, в этом месте, которое ее супруг называл адом, если только найдет себе подходящую жену. Ей казалось настоящей катастрофой то, что она не сможет избавить Сюрейю от разных тревог и держать его в состоянии постоянного веселья и радости. В самых глубинах ее мыслей из одной искры стал постепенно разгораться огонь – все еще небольшой страх – и становилась все ощутимее боль, порожденная мыслью о том, что эта катастрофа действительно может стать еще больше.

– О Всевышний, что же делать? – говорила Суад сама себе и, пока Неджиб говорил о них как о подходящих друг другу и счастливых супругах, она смотрела на него с благодарностью и хотела сказать ему спасибо за такие слова. Хотя Суад и ощущала, что в глубине их совместной жизни, которая все еще сохраняла цвет счастья, есть невысказанное и невидимое недовольство и усталость, но, слушая слова Неджиба,

она сильно хотела верить его словам и думать, что они действительно так же счастливы, как он считает. У них не было ни горестей, ни разлук – ничего. Но именно потому, что она привыкла к такой искренней и полной привязанности, для нее самые незначительные мелочи начинали казаться угрозой.

– Во всем всегда виноват один и тот же образ жизни, – произнес Неджиб, и эти его слова эхом пронеслись в ушах Суад. Да, разве не нужно было меняться? Если сегодня она не может одним лишь своим телом удержать мужа подальше от всех его желаний, и причина этого – в том, что их жизнь всегда однородна и однообразна... То разве не должна она поменять свою жизнь ради того, чтобы держать под контролем будущее, которого она так боялась? До сегодняшнего дня их жизнь никак не планировалась, все шло так, как шло. Но сейчас Суад понимала, что отныне жизнью нужно управлять, нужно ее организовывать. Даже если продолжение их счастья каким-то образом не вызывало у них скуки, оно все равно удерживало их в состоянии усталости и апатии. И это стало для Суад достаточным уроком. Да, теперь она должна быть немного искусственной, неестественной. И она чувствовала это с глубокой горечью. Беззаботная жизнь, которая была наполнена неожиданностями и улыбками, красотой и радостью, – теперь казалась Суад недостижимой горькой благодатью, и она с тоской погружалась в траур по тем дням, скорбя по их утрате.

Ах, если бы был жив их ребенок... И как только она подумала об этом, внутри у нее защемило и глаза ее тут же наполнились слезами, как было всегда при этой мысли. Ах, ребенок! Она понимала, как сильно ребенок связывал семью воедино, каким он был чудом и радостью, которую никак и ничем нельзя было заменить, как мог ребенок осчастливить сердца. Думая об этом, она снова проживала траур по его кончине. Ах, если бы он был жив, как сильно бы он связывал их жизни, какими теплыми были бы их отношения, какими молодыми они бы были. Эта смерть оставила в них такую глубокую рану, что Суад стала бояться родов и не решалась на новую беременность и роды. И что тогда? Ей оставить все это? Должна ли она оставить этого червячка в их счастливой жизни, которого не увидеть и не почувствовать, но который так сильно на них влияет, разрушает их счастье и, конечно, однажды превратится в глубокую рану на их счастливом браке?

Суад все больше замечала, что мужа ее гложет это противоречие. В объятиях этого противоречия Сюрейя все больше скучает по прошлому. И когда эта тоска по прошлому становилась все сильнее, ее собственные чувства постепенно угасали, и она начинала полагать, что однажды самым главным препятствием станет она сама – и ее полностью оставят без внимания. Но больше всего Суад тревожила не потеря власти над мужем, а риск того, что ее супруг однажды может попасть под другое, более сильное влияние кого-то чужого.

И именно эта вероятность мучила сердце Суад. Она снова задала себе вопрос: «И? Что же тогда?»

Да, нужно было прикладывать усилия. Но как? Во-первых, нужно было исполнять все его желания. Внезапно жившая в ее сердце любовь к супругу вспыхнула с новой силой, и Суад захотелось сказать мужу:

– Ладно, ты тоже поезжай. Развлекись и ты вместе с Неджиб Беем.

Однако позже ее женскому воображению предстали некоторые сцены, в которых Суад увидела Сюрейю погруженным в те радости и удовольствия, которых она сама была лишена и которых давно не могла испытать, хоть они всегда и разделяли все удовольствия вместе. Суад не была обычной ревнивой женщиной, которая желает всего только для себя, она все же не могла вынести этого. Суад не хотела лишать мужа ни одного развлечения, но и сама не могла подавить в себе желание постоянно участвовать в его увеселениях. Вдруг ее мысли будто озарило. Эта неожиданная искра так сильно воодушевила Суад, что она не смогла усидеть на месте – вскочила и начала бродить взад и вперед.

Сюрейя и Неджиб продолжали разговаривать. Неджиб рассказывал какой-то случай, а Сюрейя, облокотившись, задумчиво его слушал. В этот момент молодой женщине невероятно сильно и искренне захотелось увидеть своего мужа счастливым и радостным, в своем сердце она почувствовала бесконечную силу, чтобы сделать его таким счастливым,

каким бы его не сделала ни одна женщина на свете. Это желание было настолько сильным, что теперь она считала, что преодоление любых препятствий для нее не будет источником страдания, а превратится в истинное наслаждение.

Она тихо вышла из гостиной и заперлась у себя в комнате, чтобы, пока не видит муж, написать письмо своему отцу. Переживая о том, что Сюрейя может в любой момент войти и увидеть письмо, она в волнении написала письмо, запечатала в конверт, а затем направилась в комнату своей няни. Суад выросла на руках у этой женщины, которой сейчас было около пятидесяти лет. После смерти мужа она с позволения Суад переехала жить к ней. Суад с трудом уговорила няню поехать следующим утром в Стамбул, затем снова поднялась в гостиную и, увидев Сюрейю и Неджиб Бея, которые все сидели там, почувствовала удовлетворение от достигнутого успеха и села рядом с ними.

Проснувшись утром, Суад первым делом спросила у служанки, уехала ли няня. Девушка сказала, что старуха уехала еще рано утром. Эта новость обрадовала Суад, она встала и распахнула окна. Яркое солнце ярко озаряло все вокруг, и его свет рассеивал ночную влажность, превращая ее в тусклую дымку, словно застывшую в воздухе. Вдали, за редкими особняками и деревьями, простирался морской горизонт – бескрайняя гладь, сливающаяся с небом и уходящая вдаль до самого края земли.

– Интересно, уехал ли Неджиб Бей? – спросила Суад у

Сюрейя, который лежал на диване и о чем-то думал.

– И правда... Но, наверное, еще не уехал, – ответил Сюрейя, встав с дивана. – Если бы он собирался уехать, простился бы с нами еще вечером. Пойду посмотрю.

С этими словами Сюрейя открыл стеклянную дверь и вышел на огромный балкон, окружавший особняк с трех сторон. Пройдя по балкону до другой стороны дома, он остановился напротив окна, за которым в кресле сидел, о чем-то задумавшись, Неджиб.

– Я думал, ты спишь, – сказал Сюрейя.

– Ооо! Уже девять часов! Чтобы спать до этого времени, надо быть совершенным лентяем. Кроме того, вообще-то я люблю здешнее утро. Когда живешь посреди городского шума, то поистине усадой для ушей становятся тишина и пение птиц.

– Да, тебе так кажется потому, что ты здесь ненадолго.

Неджиб указал на бей-эфенди, который между пней и бревен неподалеку в *энтари*⁹ ходил и разговаривал с виноградарем:

– Вот он с вами совершенно не согласен.

– Если он сможет в этом году собрать хоть гроздь винограда. – Сюрейя гневно поднял плечи.

Солнце ласково и щедро начало дарить свое тепло, и его

⁹ *Энтари* – традиционное турецкое длинное платье. Энтари носили как женщины (х-образный силуэт, с вышивкой), так и мужчины (длинная, до пола рубашка).

свет, проникая сквозь окна, превращался в веселый блеск на полутемных стенах внутри. В тишине они слышали тихие слова бей-эфенди, негромко говорившего в саду.

– Мама идет! – вдруг произнес Сюрейя.

С противоположной стороны балкона приближалась его мать. Улыбаясь, она указала на своего мужа, который был в саду.

– Мы уже увидели! – кивнул ей в ответ Сюрейя.

Ханым-эфенди¹⁰ поинтересовалась у Неджиба, хорошо ли ему спалось, но Сюрейя, не дав ответить Неджибу, быстро сказал:

– Что за странный вопрос! Будто здесь может быть хорошо. Здесь же задохнуться можно! Когда солнце начнет печь сильнее, это место превратится в настоящую кочегарку: здесь нет ни деревьев, ни ветра. Здесь все будет гореть от жара солнца. Но тогда вы не придете и не спросите: «Как вы себя чувствуете? Потеете ли? Задыхаетесь ли?» Нужно ждать до пяти часов, когда поднимется ветер.

Позади них послышался голос Суад.

– Клянусь, мама, я не виновата! – весело сказала она, обращаясь к ханым-эфенди. – Это просто невозможно, он не останется здесь в этом году.

– Да уж, он снимет ялы и отвезет тебя туда, – так же весело

¹⁰ Ханым-эфенди – вежливое обращение к женщинам в Османской империи. Так и дети могли обращаться к родителям: ханым-эфенди – к матери и бей-эфенди – к отцу.

ответила ей ханым-эфенди.

– Да, и все из-за вас, – насмешливо заметил Сюрейя.

– Как было бы замечательно! – обрадовался Неджиб. – Маленький ялы... Вы снимете прекрасный ялы за тридцать лир, как и хотели.

– За тридцать лир? – У Суад перехватило дыхание и сердце забилося быстрее. Сюрейя взял мать за руку и стал жаловаться на жизнь, умолять ее, но она только смеялась и повторяла:

– Это невозможно и просто неосуществимо!

Она говорила о том, что отдала все, что было у ее отца и у нее самой, за сажень винограда, и жаловалась на безденежье, повторяя:

– Где же я найду такие деньги?

– Но у вас же, скорее всего, есть сбережения! – не отставал Сюрейя.

– Тридцать лир... Это невозможно... Разве ты не мужчина? Разве ты не можешь прокормить свою жену? – только шутила в ответ его мать.

– Да, ты права! – вдруг сказал Сюрейя с яростью. – Но на мое жалованье я могу только нас прокормить. Нужно заплатить тридцать лир вперед. Разве ради этого стоит брать деньги в долг?

Пока Сюрейя разговаривал с матерью о деньгах, Суад тихо, так, чтобы не услышал муж, обратилась к Неджибу:

– Вы уезжаете сегодня?

Неджиб сидел в нерешительности, и Суад, подумав, что остаться здесь сродни какой-то жертве для Неджиба, с просьбой в голосе добавила:

– На сегодня останьтесь!

Но, посчитав и это недостаточным, продолжила:

– Останьтесь, вы мне нужны.

Этот голос, этот тон – все это было таким загадочным и нежным, что Неджиб даже не выглядел удивленным, он просто склонил голову в знак согласия.

Суад извелась, стараясь не докучать им, пока не настал вечер. Погода, будто нарочно пытаюсь разозлить Сюрейю, была настолько жаркой, а воздух – неподвижным, что все сидели словно в полусне, спрятавшись в прохладной тени за шторами. Фатин и бей-эфенди отправились в Стамбул в свои бюро, дома же остались двое мужчин и три женщины. Хаджер сегодня до обеда не показывалась – у нее бывали такие внезапные обиды и необъяснимое равнодушие к тому, что ей было важно. А утром они решили, что она расстроена из-за чувствительности к солнцу, присущей светлокожим людям. Пока Суад сидела с двумя мужчинами, она не могла принять предложение о прогулке и, в конце концов, приняла решение обратиться к пианино как к единственному спасению от висевшей в воздухе напряженности. Суад знала, что Неджиб любит музыку, поэтому, чтобы немного развеселить его, села за инструмент, за которым не сидела довольно долгое время. Сюрейя растянулся на тахте, уставившись взглядом в потолок, и пробормотал:

– В такой жаре и не отдохнешь как следует! – А потом уже веселее добавил: – Но все равно играй, Суад! Благодарю. По сравнению с жужжанием насекомых вокруг звуки пианино – действительно музыка для ушей.

Неджиб с особым удовольствием приставил к пианино

низкий стул и сел рядом с инструментом. Суад уже давно не играла на пианино, и ей сейчас с трудом давались мелодии, которые она знала. Суад с сожалением призналась, что ее мастерство исчезло, словно это было наказание за лень.

В доме без остановки звучала музыка. Когда пришло извещение о том, что кушать подано, Сюрейя, глубоко вздохнув, встал, быстро направился к Суад и резко закрыл крышку пианино.

– Смертная казнь через музыку! – сказал он весело. – О Всевышний, мы спасены! Неужели ты стала одним из тех ангелов, что заставляют страдать, Суад?

За столом они снова подняли ту же тему. Прежде, чем Неджиб начал жаловаться, ханым-эфенди, смеясь, сказала:

– Так что же? Вы собираетесь на ялы?

– Да, и все из-за вас, – горько ответил Сюрейя. Хаджер стала расспрашивать, в чем дело, а ханым-эфенди обо всем подробно рассказала своим приятным голосом. С легкой улыбкой на лице она сообщила, что Сюрейе здесь все надоело и от скуки он собирается сбежать в Стамбул, где на берегу Босфора арендует прекрасный ялы, и увезет туда Суад. Хаджер сначала приняла этот рассказ за чистую правду, лицо ее вдруг исказилось яростью, но, сдержавшись, она сказала:

– Ох, как замечательно! А мы здесь одни...

Но тут ханым-эфенди, смеясь, перебила ее:

– А мы будем ездить на ялы к ним в гости. До сегодняшнего дня они были нашими гостями, а теперь гостить у них

будем мы... Не так ли, Хаджер?

— Почему это? — холодно спросила Хаджер. — Разве мы не можем поехать, когда захотим?

— Ах, если бы мы могли уехать, уехали бы все вместе, — вздыхая, ответил Сюрейя.

— А! А я и вправду подумала, что они уезжают, — произнесла Хаджер, не скрывая искр радости на своем лице.

Неджиб испытывал жалость к Хаджер, которая, чрезмерно увлекшись подобными мелочами, так просто себя раскрывала. Возможно, по сравнению с Суад Хаджер была красивее, но в отношении всего остального превосходство Суад так сильно бросалось в глаза, что было решительно невозможно, чтобы сама Хаджер этого не замечала. Добронравие, серьезность, кротость, отзывчивость — все эти качества были у Суад, и красота ее от этих качеств становилась только глубже. Ее привязанность к мужу, спокойствие, постоянная улыбка и скромность возвышали ее, делали достойной уважения. В то же время порой случались мгновения, когда тонкие брови, прозрачная кожа Хаджер и завитки волос на ее шее меняли свое положение и она становилась по-настоящему красивой женщиной. В этой красоте Неджиб находил некоторое озорство и природную дикость. Но рядом с теплым спокойствием Суад он чувствовал, как его собственная несостоявшаяся супружеская жизнь и то, что он не может скрыть собственную злость и неприязнь к этой женщине за вежливостью и терпением, ранили его и причиняли боль. Он

понимал: если бы не мягкость и терпение Суад, с Хаджер поладить было бы невозможно. Неджиб также замечал, с каким терпением и нежностью Суад отвечает даже на внезапные вспышки гнева Хаджер, которые та сама от себя не ожидала.

– Как хорошо у вас получается, – произнес Неджиб, когда все встали из-за стола.

Суад сначала сделала вид, что ничего не поняла, отметив, что все это – не нападение на нее, что Хаджер иногда так ведет себя по отношению ко всем. Но Сюрейя в ответ на это заметил, что все поступки Хаджер – открытые нападки на Суад, и после этих слов Суад тоже была вынуждена признать это. Тогда Суад сказала, что любит Хаджер как младшую сестру, что всегда жалеет ее и поэтому предпочитает не придавать большое значение таким мелочам.

– Клянусь вам, – сказала Суад, – Хаджер не такая плохая, как вы о ней думаете. Будет хорошо не обращать внимания на некоторые вещи, ведь...

– Вот в этом и суть! – почти выкрикнул Сюрейя, выпуская изо рта сигаретный дым. – Среди всех, кто тут сейчас находится, только у тебя есть столько терпения!

– И меня это терпение просто восхищает, – улыбаясь, сказал Неджиб.

– Моя жена – ангел, Неджиб. – Сюрейя демонстративно взял Суад за руку.

– Мне надо раскраснеться? – весело спросила Суад.

– Делай что хочешь, – так же весело ответил Сюрейя. – С

вашего позволения, я пойду прилягу вон там. Мне там очень удобно.

Тут в гостиную вошла Хаджер.

– О, мой дорогой братец слишком рано начал спать днем в этом году, – недовольно сказала она, а потом повернулась к Суад: – Что ты будешь делать на ялы, пока он спит? Думаю, тебе там будет ужасно скучно и одиноко.

– Почему же? Вы разве не поедете с нами? – улыбнулась Суад.

– Я? – Хаджер, почти пританцовывая, направилась в сторону Неджиба, а потом, поколебавшись, добавила: – Что за спешка? Вы сначала ялы арендуйте!

Потом, остановившись, Хаджер глубоко вздохнула, словно показывая, что решилась произнести эти слова, и, делая вид, что не замечает лежащего неподалеку Сюрейю, приблизилась к Неджибу и сказала:

– До вечера ты со мной.

– Вы же только что говорили об одиночестве Суад Ханым? – начал было отвечать Неджиб, как Хаджер прервала его:

– О-о-о! Она же не сейчас одинока! Разве могут пустые мечтания стать человеку другом? Милая моя, эта мечта о ялы – такая страшная болезнь, что заставит думать о себе больше, чем о преданном друге.

– Посидим тут все вместе, не так ли, Хаджер Ханым? – снова спросил Неджиб.

– Прогуляйтесь, если желаете, – слышался с дивана голос Сюрейи. – Можете сходить в пеньковые леса или фасолевую рощу.

Хаджер, обратив внимание на нерешительность Неджиба и немного сухой голос Сюрейи, наинулась на молчаливую Суад:

– Суад, а где вы арендуете ялы?

– Посмотрим, мы еще не решили, – пытаясь улыбнуться, ответила Суад.

– Раз так, вам будет не трудно не принимать никакого решения. Я ведь поначалу подумала, что это правда. Пока мы в такой бедности... Так можно говорить и строить всякие сладкие мечты. – Хаджер смеясь посмотрела на Сюрейю и Неджиба. – А потом отказываться от них, не так ли? И что может быть проще, да? Про моего брата все ясно: сначала энтузиазм и душевный подъем... А потом сон. Разве его поездка в Париж не была именно такой?

Во время всей этой речи Хаджер Суад тихонько сама себе говорила: «Ах, скорее бы вечер!»

А вечером она бы отправилась в дорогу, что-нибудь наговорив всем. Но когда Суад увидела, что ее няня не приехала последним поездом, ей стало не по себе. Молодая женщина злилась, думая о том, что ее отец может и не сжалился, несмотря на все ее мольбы и просьбы. Няня ее не приехала ни на следующий день, ни еще через день. Суад целыми днями с утра до вечера терпеливо ждала, мучилась от нетерпе-

ния и надежды – все это время веря, что няня вот-вот придет. Каждый вечер в последний момент она переставала верить и думала, что даже если няня и появится, то все будет напрасно, без особого смысла. От этих переживаний Суад было грустно и тоскливо. На следующий день она снова испытывала сильное раздражение и усталость от постоянных попыток задержать у них Неджиба. Однако в то же время она не понимала, зачем его задерживает. Суад знала, как сильно Неджиб привязан сердцем к Сюрейе, и хотела, чтобы он поделил радость ее мужа тогда, когда придут деньги. Кроме того, она думала, что сможет послушать рассказы Неджиба о Босфоре. Однако, наблюдая за тем, как до самого вечера Неджибу приходится терпеть капризы и вспыльчивость Хаджер, Суад впадала в уныние. Именно поэтому она с большим усилием и задержав дыхание смогла сказать Неджибу: «Останьтесь!» Однако Неджиб Бей проявил серьезность и, ни разу не сделав никаких намеков и не пытаясь понять причины задержек, все время пребывал в молчаливом ожидании.

Во второй же вечер, когда они снова остались одни, Суад призналась:

– Я задерживаю вас здесь до вечера, докучаю вам, поэтому прошу меня простить. Я собираюсь разыграть Сюрейю и хочу, чтобы вы тоже присутствовали, но все никак не получается!

– Но я уже решил уехать в субботу! – Неджиб отверг

просьбу Суад. Он не понимал, что именно происходит, но был уверен, что этот розыгрыш будет так или иначе связан с ялы. Когда же заходил разговор об этой теме, которая стала предметом насмешек у всех обитателей особняка, а Суад начинала волноваться, все это только укрепляло его мнение. Однако в этом вопросе все доходило до крайности, все становилось настолько чрезмерным, что уже начинало раздражать и даже мешать.

Неджиб заметил это и, видя, что Суад не отвечает на все нападки и подколы, удивлялся терпению и выдержке этой женщины.

С Суад они были знакомы около пяти лет. И за это время его уважение к ней постоянно только возрастало. Он даже стал думать, что встретить именно такую женщину почти невозможно. Неджиб и так нечасто навещал эту семью, а после свадьбы Сюрейи стал приезжать к ним еще реже. Тогда он только выпустился из школы и всю свою энергию, накопленную за много лет среди школьных стен, пламенно и взволнованно старался направить на свою новую жизнь. Изначально у него были лишь смутные, мечтательные представления о женщинах, основанные скорее на поверхностных взглядах, навеянных воображением и мечтами, чем на опыте или разуме. Однако опыт, больно ранивший его иллюзии, но и с присущими молодости пылом и страстью облегчивший его общение с женщинами, помог быстро сформировать ему твердое и неоспоримое мнение о женщинах и со-

здать таким образом свою собственную философию. Он поверил, что теперь полностью защищен от опасности быть раненным в жизненных драмах – он чувствовал себя словно в непробиваемой броне, – и стал жить так, уверенный в непоколебимости своих взглядов и убеждений. В это время Суад, которую он видел время от времени, казалась ему такой же поверхностной: ему казались неестественными ее смирение, ее молчаливая радость, ее ребячество, которое все же не мешало ее серьезности и рассудительности. В первое время их брака, когда Сюрейя выказывал довольство, Неджиб, качая головой, думал про себя: «Все это ненадолго, вот увидишь!» Но время шло, а счастье Сюрейи только росло. А за ним росло и любопытство Неджиба, и однажды он сказал:

– Ты выиграл главный приз, дорогой. – И пожал Сюрейе руку. – Но нужно поблагодарить и главный приз за то, что попал в достойные руки. Ты уверен, что я не делаю тебе комплиментов, но уверяю тебя – вы оба достойны друг друга.

Сейчас все, кто был в особняке, – бей-эфенди, Фатин, Хаджер и даже ханым-эфенди, которая присоединялась к ним время от времени, – ради забавы неустанно обсуждали тему ялы. Сюрейя то резко, то шутливо отвечал им, а иногда смешил всех словами, которые могли уколоть и причинить боль Фатину. Неджиб, всегда оставаясь нейтральным в этих разговорах, задумался о том, какое влияние они оказывают на него самого, и удивлялся молчаливости Суад.

Пока Фатин пытался подавить смешки, пережевывая рагу,

бей-эфенди, нарушив тишину, с серьезным видом заметил:

– Я думал, Суад Ханым даже не слушает все это ребячество.

– Да ничего же нет, никто никуда не уезжает, – вдруг зло воскликнул Сюрейя.

– Есть кое-кто, кто хочет уехать, – стала раззадоривать брата Хаджер, а ханым-эфенди, улыбнувшись, медленно произнесла:

– Кажется, они сбегут, никому ничего не сказав. Бедняжка Суад ни в чем не виновата, это Сюрейя хочет ее увезти...

– Жена всегда должна подчиняться воле своего мужа, – снова жуя, вставил Фатин.

Это все продолжалось до того момента, пока не вернулась няня Суад. А она смогла приехать лишь к обеду субботы.

– Твой отец не стал бы так просто этим заниматься. Уж не знаю, что ты там ему написала, но он целых три дня занимался только твоим делом, – рассказала няня и вручила Суад конверт.

Суад тут же порвала конверт. У нее дрожали руки, и она не смогла открыть его сразу. Потом она бросилась к Сюрейе, который разговаривал с Неджибом на балконе.

– Мы едем на ялы! – весело сообщила Суад.

– Что происходит? Почему? – спросил Сюрейя, не веря своим ушам, а затем взял банкноты, которые показывала ему Суад. – Что это? Что это все? Откуда?

Суад закрыла ему рот своей рукой:

– Молчи!

– Кто отправил их? – спросил Неджиб.

– Мой отец, мой отец, – ответила Суад и, присев там же, на балконе, продолжила тихим голосом: – Нужно сейчас же поехать и, никому ничего не говоря, взять в аренду ялы, а потом уехать отсюда, от всех этих глаз.

Тогда втроем они решили, что никому ничего не расскажут до тех пор, пока не возьмут в аренду ялы. Когда же все будет готово и ялы будет арендован, об отъезде они сообщат только ханым-эфенди, а затем тихо, ни с кем не прощаясь и не попадаясь никому на глаза, уедут из дома. Наутро все должны были в недоумении увидеть, что птички вылетели из клетки.

Сейчас же они думали о жизни на ялы, о тратах и расходах. Им казалось, что они смогут обойтись пятнадцатью лирами.

– Ну что же мы, поедem туда и останемся голодными? – размышлял Сюрейя и, повернувшись к Неджибу, сказал: – Ну, будешь теперь приезжать к нам в гости.

– Конечно, конечно! – поддержала его Суад и, признавшись, что все три дня удерживала Неджиба в их доме только для того, чтобы был арендован ялы, поведала обо всей организации этого дела.

– Ах, Суад, Суад! – обрадовался Сюрейя. – Как же мне хочется сейчас пойти и всем им прокричать о том, что завтра мы берем в аренду ялы!

– Боже, Сюрейя, – умоляла его Суад. – Потерпи же еще два дня.

Неджиб говорил, что до полной победы им следует подождать еще пару дней.

– Мы сразу же переедем! – весело, как ребенок, строил планы Сюрейя. – В тот же день! Сразу! Давай не будем оставаться тут ни минуты! Спасемся же от этого несчастливого места. Какое же наслаждение, Неджиб! Какое наслаждение! Как сладостно будет всем им вдруг сказать: «Завтра мы съезжаем! Сегодня мы арендовали ялы!» Клянусь, у Фатина в горле кусок застрянет от такой новости. Я прямо вижу, как у него глаза округляются от зависти! Вот бы скорее наступил этот день, этот час...

Они тут же приняли решение: завтра ведь воскресенье? Значит, рано утром Неджиб и Сюрейя поедут и возьмут в аренду милый, но элегантный ялы. У них было тридцать лир, и Суад переживала о том, что будет, если денег не хватит. Неджиб утешал ее:

– Остальное – просто. Нужная сумма – у вас на руках.

В этот момент Неджиб вдруг поймал себя на мысли о том, что он вообще-то к этому делу не имел никакого отношения, и не мог бы никак вмешаться и повлиять на его решение. Однако они так мило, так искренне посвящали его в эти свои дела, что ему больше не оставалось ничего другого, кроме как вовлечься в этот поток событий, которые происходили против его воли.

Вечером за столом Фатин снова, пытаясь понравиться бей-эфенди, в беседе о ялы широко раскрыл глаза и скалился в сторону своего свекра, одновременно пытаясь прожевать свой ужин. Как раз в этот момент пришло время расквитаться за поражение трех последних дней. Трое друзей с удовольствием переглянулись. Сюрейя не смог сдержаться и, стараясь выглядеть спокойным, радостно произнес:

– Да, завтра мы поедем и арендуем ялы.

– Интересно, какой дом вы продали ради этого? – рассмеялась Хаджер.

– У него разве нет домов в Махмутпаше? Наверняка продал какой-нибудь из них, – пробормотал сам себе бей-эфенди. Сейчас его занимала только еда.

– Клянусь, клянусь, так и есть, – смеялся Фатин, пытаясь прожевать кусок мяса.

Сюрейя собирался было уже все рассказать, но Суад посмотрела на него глубоким и полным мольбы взглядом. Глядя на них, Неджиб не стал винить Сюрейю в том, что тот не выдержал, и замолчал.

Когда все встали из-за стола, трое друзей направились в маленькую комнату Сюрейи. Суад вышла на балкон.

– На улице пасмурно, не было бы дождя, – сказала она, глядя на небо.

– Что? – спросил весело Сюрейя. – Да даже если камни будут падать вместо дождя, мы все равно поедем, клянусь тебе! Не правда ли, Неджиб?

– Конечно! – так же весело ответил ему Неджиб.

Они снова все обговорили и решили, как и куда поедут наавтра. Суад хотела, чтобы ялы был не дальше Эмирмана¹¹:

– Чем плох Бейкоз?¹²

Неджиб хотел, чтобы супруги арендовали ялы на противоположной стороне Босфора. Он говорил, что они смогут найти что-то подходящее в Йеникее или Йенимахалле¹³.

– Дома, которые там есть, даже не на берегу, совсем как ялы, – уговаривал он. Все, чего желала Суад, – покоя и тишины.

Они проговорили до одиннадцати часов. Погрузившись в поток фантазии, Сюрейя тысячами слов уже описывал порядок своей летней жизни. Суад же предлагала свои небольшие идеи, а затем добавляла к ним новые мысли и планы.

Сюрейя хотел найти лодку и смеясь добавил:

– А еще и коляску.

– Это будет слишком долго, – грустно качала головой и вздыхала Суад. – Мы же тогда там голодными останемся. Предвкушая свои наслаждения на ялы, они уже сейчас начинали удовольствие от своих мечтаний, а потом вдруг начинали смеяться со словами: «Но ведь чтобы осуществить все это, нам и целого лета, кажется, не хватит».

Неджиб в эти минуты погрузился в грусть и, наблюдая

¹¹ *Эмирман* – район в европейской части Стамбула.

¹² *Бейкоз* – район в азиатской части Стамбула.

¹³ *Йеникей* и *Йенимахалле* – районы в европейской части Стамбула.

за этими счастливыми супругами, думал том, что если это и есть брак, то брак не так уж и плох. Потом он стал размышлять о том, что их брак был заключен все-таки при особых обстоятельствах и случайностях, и перед его мысленным взором возникли другие печальные истории многих несчастливых браков. Он тихо сказал сам себе:

– Нет! Это невозможно, невозможно! Мне никогда не найти такой подходящей для меня женщины, у меня никогда не будет такого будущего. Моя лишенная счастья и обездоленная жизнь будет тянуться до старости – в одиночестве и несчастье.

Назавтра нужно было рано вставать, поэтому все трое разошлись, чтобы лечь спать пораньше. По пути в комнату Неджиба продолжали тревожить мысли о его жизни. Он вышел на балкон и, ощутив принесенные ветром огромные капли дождя, решил задержаться, чтобы насладиться идущей от них прохладой. Он прислонился лбом к холодной перекладине и простоял так посреди ночи какое-то время. Он думал о себе и своей жизни. Иногда его мучали, лишали силы мысли о принятом им решении не вступать в брак. Сейчас он снова чувствовал бессилие. Эти теплые отношения и близость между мужем и женой, свидетелем которых он был, этот жар и страсть, когда один готов отдать все, даже жизнь, всего лишь за исполнение маленького желания другого, это волнение, эта спокойная и счастливая любовь – все это снедало, губило его. Даже в своих долгожданных, усердно до-

стигнутых успехах, которые в итоге оказались лишь разочарованием и страданиями, он не смог обрести такую силу, такую самоотверженность, такую вдохновляющую и искреннюю теплоту. Многие из его наслаждений оканчивались либо ядовитой разлукой, либо разрушительной безразличностью, и ни одно из них даже в самые счастливые моменты не могло сравниться с этой спокойной гармонией и красотой. Он думал, что жить, не имея шанса испытать эти чувства, — совершенно напрасно. Его существование казалось ему пустым.

— Почему? — задавал он себе один и тот же вопрос, а затем, словно бесконечный рефрен отчаяния и усталости, следовал еще один вопрос: — А зачем хорошо жить и счастливо любить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.